

Сердце, тронутое состраданием

Ли Юньхуань с мрачным лицом плёлся за Ли Чуйханем. Тот, казалось, совершенно не осознавал, что рядом с ним ребёнок — с короткими ногами и слабой физической подготовкой, неспособный поспевать за его широким шагом.

Впрочем, даже если бы и осознавал, вряд ли бы это его волновало. Кроме его супруга, в этом мире не было никого, ради кого он замедлил бы свой шаг.

К счастью, идти было недолго. Когда они добрались, Ли Юньхуань, тяжело дыша, встал рядом с Ли Чуйханем у двери комнаты.

Ли Чуйхань постучал... ответа не последовало.

Но войти без разрешения он не посмел.

Прокашлявшись, он спросил:

— Юй'эр, Юй'эр? Ты там?

Спросив, он постучал снова. На этот раз изнутри донёлся слабый шорох — будто кто-то повернулся на другой бок, и тяжёлое одеяло слегка сдвинулось.

Ли Чуйхань, очевидно, тоже это услышал. Он перестал стучать, повернулся к Ли Юньхуаню и, приложив указательный палец к губам, сделал знак молчать.

Ли Юньхуань посмотрел на него с немим укором. Что это значит? Неужели они будут ждать, пока человек внутри проснётся? Так можно простоять здесь вечность.

Но Ли Чуйхань, похоже, именно так и собирался поступить. Он, нимало не заботясь о своём достоинстве, просто сел на ступеньки у двери, не обращая внимания на недоумённый взгляд Ли Юньхуаня.

Какое-то время он сидел неподвижно, уставившись в пустоту.

Прошло немало времени. Когда солнце уже полностью скрылось за карнизом крыши, Ли Юньхуань наконец услышал движение внутри.

Человек на кровати встал, оделся и, обувшись, направился к двери. Ли Чуйхань, заметив это,

тут же вскочил на ноги, намереваясь принять подобающую позу, но из-за долгого сидения его ноги затекли, и он пошатнулся. В этот самый момент человек внутри открыл дверь, чтобы выйти на свежий воздух, не ожидая никого увидеть на пороге. Лишившись опоры в виде двери, Ли Чуйхань потерял равновесие.

Он лишь беспомощно наблюдал, как падает. Попытавшись удержаться, он сделал несколько неуклюжих движений, но в итоге рухнул на колени прямо перед человеком, открывшим дверь.

Ли Юньхуань: ...

Ли Чуйхань: ...

Ши Лю: ?

— Это ещё что такое? — спросил Ши Лю, глядя на высокого мужчину, застывшего перед ним в безупречной коленапреклонённой позе. На его лице отразилось недоумение.

Ли Чуйханю было не до смеха. И что хуже всего, ни один из двоих свидетелей его позора не протянул ему руки помощи. Конечно, от этого мальчишки он помощи и не ждал, но его супруг... ладно.

Пришлось ему, опираясь на дверной косяк, подниматься самому.

Ши Лю ничего не сказал. Увидев их, он, казалось, утратил всякое желание выходить на прогулку и, развернувшись, пошёл обратно в комнату, намереваясь снова прилечь.

Как только он скрылся из виду, лицо Ли Чуйханя на мгновение исказилось сложной, мрачной гримасой. Но это был лишь миг.

Он быстро взял себя в руки, спокойно посмотрел на Ли Юньхуаня и жестом велел следовать за ним.

Объективно говоря, Ли Чуйхань был хорош собой: точёные черты лица, во взгляде — дерзость и вызов. Глаза глубокие, но в них почти всегда сквозила ленивая насмешка.

Ли Юньхуань, глядя на него, подумал, что ему, должно быть, не больше двадцати пяти. В таком возрасте у него ещё могли бы быть свои дети. Так зачем он усыновил его?

Он пытался разузнать о Ли Чуйхане раньше, но в том заброшенном дворе, где он жил, ему удалось собрать лишь крупинки информации.

Войдя в комнату следом за Ли Чуйханем, Ли Юньхуань увидел, что единственный в комнате стул из сандалового дерева был занят. Им двоим не оставалось ничего, кроме как стоять.

Что до кровати Ши Лю, то Ли Чуйхань не то что сесть — дотронуться до неё боялся. Ли Юньхуань же всё ещё чувствовал себя скованно и, ощущая странное напряжение между этими двумя, старался быть как можно незаметнее.

Видя, что Ши Лю никак не реагирует, Ли Чуйхань решил заговорить первым:

— Юй'эр, это мальчик из рода Ли. Он сирота, очень несчастный. Я усыновил его. Теперь он и твой сын тоже.

«Несчастный? Ли Чуйхань считает меня несчастным?»

«Если бы он и вправду так считал, то не бросил бы меня на семь лет, а теперь не притворялся бы, что ему есть до меня дело», — с презрением подумал Ли Юньхуань.

Ши Лю тем временем внимательно смотрел на худощавого ребёнка. Он ничего не сказал, лишь встал и подвёл Ли Юньхуаня к себе.

Только теперь, когда Ши Лю оказался так близко, Ли Юньхуань смог как следует его рассмотреть. Его лицо, подобное нефриту, было мягких, но в то же время изящных очертаний. Брови, словно далёкие горы, спускались к вискам, придавая лицу нежное выражение.

Но прекраснее всего были его глаза — чистые, как родниковая вода, обрамлённые длинными ресницами. Взгляд их был мягок и, казалось, мог вместить в себя весь мир.

Тёмные, шелковистые волосы спадали на лоб, и во всём его облике сочетались чистота юноши и тёплая зрелость мужчины.

Рядом с ним Ли Юньхуаню показалось, что весь мир затих. Остался лишь присущий Ши Лю мягкий покой, который манил, заставляя желать подойти ещё ближе, чтобы ощутить это умиротворение и красоту.

Ли Юньхуань заворожённо смотрел на него. Это не ускользнуло от внимания Ли Чуйханя, стоявшего в стороне, и выражение его лица стало недружелюбным.

Он положил руку на плечо Ли Юньхуаня и с силой надавил. Мальчик пошатнулся и едва не упал на колени. Обернувшись, он увидел, как Ли Чуйхань с кривой усмешкой смотрит на него и говорит:

— Мальчишка, не поприветствуешь свою мать? Где все те манеры, которым тебя якобы учили в

клане?

«Кто бы меня там учил манерам?» — мысленно съязвил он. Вероятно, те люди, желая выслужиться перед Ли Чуйханем, наплели ему, что усердно занимались его воспитанием, а на деле и пальцем не пошевелили, надеясь, что любую оплошность спишут на его, Ли Юньхуаня, непослушание.

На самом деле, Ли Юньхуань и сам не хотел показаться невежливым перед Ши Лю, но он просто растерянно стоял на месте, не зная, как себя вести.

Каким бы умным и зрелым он ни был, ему было всего семь лет.

Но Ши Лю, казалось, увидел затаённые в его глазах унижение и неуверенность. Не обращая внимания на знаки, которые подавал ему Ли Чуйхань, он положил руку на голову Ли Юньхуаня.

И тихо произнёс:

— Бедное дитя.

Услышав эти слова, Ли Юньхуань тут же поднял на него глаза. Ши Лю спокойно встретил его взгляд, затем сжал его ладонь и с состраданием обнял.

— Бедное дитя, — повторил он.

Сказав это, он вдруг заплакал. Ли Юньхуань растерялся ещё больше. Ему показалось, что он что-то натворил, хотя ничего не сделал. Он просто застыл, не зная, что предпринять.

Ли Чуйхань отреагировал куда более бурно. Он грубо оттолкнул Ли Юньхуаня в сторону, так что тот едва не ударился об острый угол деревянного стола, и сам занял его место, обнимая Ши Лю.

Ли Юньхуань с трудом удержался на ногах. На его лице снова появилось то первоначальное, злое выражение. Он впился взглядом в Ли Чуйханя.

Тот достал заранее припасённый и всегда носимый с собой шёлковый платок лазурного цвета, совершенно не вязавшийся с его образом, и принялся вытирать слёзы Ши Лю, приговаривая:

— Ничего, Юй'эр, это всё моя вина, моя вина... Я не должен был приводить его к тебе, я не знал, что это тебя так расстроит. Во всём виноват я. Я не должен был самовольно усыновлять этого ребёнка, не должен был... Не должен был не суметь защитить тебя, позволив тебе потерять нашего ребёнка...

«Что?»

Ухватившись за эту ключевую фразу, Ли Юньхуань тут же поднял голову и посмотрел на них.

Глядя на Ли Чуйханя, Ши Лю, казалось, впал в какое-то помутнение. Его взгляд блуждал.

Долгая болезнь истощила его, но он ничего не говорил, словно не мог реагировать на слова. Лишь слёзы продолжали беззвучно катиться по его щекам.

Видя это, Ли Чуйхань чувствовал, как у него разрывается сердце. Но он ничего не мог поделать. Если бы мог, он бы не привёл сюда Ли Юньхуаня.

С той самой ночи, когда он с триумфом вернулся в поместье после успешного похода, Ши Лю замкнулся в себе.

Ли Чуйхань знал, что у Ши Лю послеродовая депрессия, но в эту эпоху не было иного способа помочь, кроме как ждать, пока он сам справится. Ли Чуйхань, каким бы умным он ни был, не мог из воздуха создать лекарства от депрессии, да и боялся отравить Ши Лю.

К тому же, в своём исходном мире он не был врачом.

Но просто смотреть, как Ши Лю день за днём мучает себя, было для него хуже пытки. Он предпочёл бы, чтобы Ши Лю каждый день давал ему по десять пощёчин, лишь бы ему стало лучше.

Теперь, отчаявшись, он прибегнул к этому способу. Он предположил, что это послеродовая депрессия, ведь их ребёнок умер сразу после рождения.

Вероятно, это был слишком сильный удар, и Ли Чуйхань решил усыновить другого ребёнка, чтобы заполнить эту пустоту.

Хотя были и другие причины... но состояние Ши Лю беспокоило его больше всего.

И сейчас он жалел о содеянном. Этот мальчишка не только не помог, но и вновь затронул болезненную тему, причинив Ши Лю ещё больше страданий.

Хотел как лучше, а получилось как всегда. От этой мысли выражение его лица стало ещё мрачнее.

Пока Ли Чуйхань в панике метался, Ли Юньхуань, стоявший в стороне, вдруг, словно по наитию, произнёс:

— Матушка.

...

Очень тихо, но Ши Лю услышал. Он отстранил Ли Чуйханя, присевшего перед ним, и посмотрел на худощавого ребёнка. Слёзы медленно высохли.

Ли Чуйхань, наблюдавший за этой сценой, почувствовал облегчение. Он посмотрел на Ли Юньхуаня с долей одобрения, ничуть не обидевшись на то, что его оттолкнули.

Ли Юньхуань подошёл и обнял Ши Лю.

— Мама, ты моя мама.

Но Ши Лю не ответил.

<http://bllate.org/book/15976/1441461>